

УДК 821.161.1-31(Булгаков М. А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-4-90-101.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8.444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

МОДЕЛИ КАУЗАЛЬНОЙ АТРИБУЦИИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»¹

Будаев Э. В.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2137-1364>

SPIN-код: 7149-6638

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются особенности моделей атрибуции сверхъестественного в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Цель работы заключается в выявлении моделей каузальной атрибуции сверхъестественного в картине мира персонажей романа «Мастер и Маргарита» и определении роли этих моделей в раскрытии философской проблематики романа. Теоретико-методологической основой работы послужили постулаты когнитивного литературоведения (А. Палмер, Л. Зуншайн, Д. Герман) в сочетании с теорией атрибуции (Ф. Хайдер, Б. Вайнер, Р. Нисбетт). Согласно данному подходу, читатель не просто распознает мотивы, но и достраивает ментальные процессы, формируя причинно-следственные связи между внутренними состояниями и поступками героев, при этом художественный текст рассматривается прежде всего как репрезентация ментальной жизни персонажей. Каузальные атрибуции в сознании персонажей становятся ключевым фактором построения повествования, который структурирует сюжет сильнее, чем внешние события. Таким образом, понимание повествования рассматривается как реконструкция причинности, распределение мотивов и построение ментальных моделей.

Методика исследования основывается на дескрипции четырех показателей модели атрибуции: локуса казуальности (внутренний или внешний), стабильности (стабильная или нестабильная причина), контролируемости (контролируемая или неконтролируемая причина), истинности (верная или ложная атрибуция). Единица анализа – отдельное высказывание субъекта атрибуции, в котором присутствует объяснение причины события / поведения (включая косвенные объяснения в репликах, внутреннюю речь, авторские ремарки, если они выполняют функцию атрибуции в модели мира персонажа).

В результате исследования были выявлены шесть основных моделей каузальной атрибуции сверхъестественного в романе М. А. Булгакова: «Переутомление», «Психическое расстройство (галлюцинация)», «Шпионаж (поиски врагов)», «Случайное совпадение», «Гипноз (фокус)», «Влияние потусторонних сил». Противопоставление моделей каузальной атрибуции по их ключевым параметрам выступает одним из важнейших способов раскрытия философской проблематики романа, основанной на сложной системе причинно-следственных связей, включающей моральные, религиозные, экзистенциальные и психологические мотивы: противостояние добра и зла, поиск истины, творческую самореализацию, а также проблемы этического выбора и воздаяния.

К л ю ч е в ы е   с л о в а : литературное творчество; литературные жанры; романы; литературные герои; каузальная атрибуция; М. А. Булгаков; модель мира персонажа; когнитивная поэтика; когнитивная нарратология; когнитивное литературоведение; сверхъестественное

Д л я   ц и т и р о в а н и я : Будаев, Э. В. Модели каузальной атрибуции сверхъестественного в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 90–101. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-4-90-101.

MODELS OF CAUSAL ATTRIBUTION OF THE SUPERNATURAL IN M. A. BULGAKOV'S NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA"

Eduard V. Budaev

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2137-1364>

A b s t r a c t . The article deals with the characteristics of supernatural attribution models in M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita." The aim of the study is to identify the models of causal attribution of the supernatural in the worldview of the characters of "The Master and Margarita" and to determine the role of these models in revealing the philosophical problems raised in the novel. The theoretical and methodological basis of the study is made up of the postulates of the cognitive literary studies (A. Palmer, L. Zunschein, D. Herman) in combination with the attribution theory (F. Heider, B. Weiner, R. Nisbett). According to this approach, the reader not only recognizes motifs but also completes mental processes, forming cause-and-effect relationships between the inner states and actions of the characters. The literary text is considered primarily as a representation of the mental life of the characters. Causal attributions in the consciousness of the characters are considered a key factor in constructing the narrative that structures the plot more powerfully than external events. Thus, narrative comprehension is viewed upon as reconstruction of causality, distribution of motifs, and construction of mental models.

The research methodology is based on the description of four attribution model parameters: locus of causality (inner and outer), stability (stable or unstable cause), controllability (controllable or uncontrollable cause), and truth (true or false attribution). The unit of analysis is represented by a separate utterance of the subject of attribution, which contains an explanation of the cause of an event / behavior (including indirect explanations in remarks, inner speech, and authorial remarks if they serve an attributional function in the character's worldview).

¹ Редакция публикует данный материал в порядке обсуждения вопроса о методологии современного литературоведения.

The study has identified six main models of causal attribution of the supernatural in Bulgakov's novel: "Overwork", "Mental Disorder (Hallucination)", "Espionage (Machinations of Enemies)", "Accidental Coincidence", "Hypnosis (Trick)", and "Influence of Other-worldly Forces". Contrasting these models of causal attribution based on their key parameters is a crucial means of exploring the novel's philosophical themes, which are based on a complex system of cause-and-effect relationships encompassing moral, religious, existential, and psychological themes: confrontation between good and evil, search for the truth, creative self-realization, and issues of ethical choice and retribution.

Key words: literary creative activity; literary genres; novels; literary characters; causal attribution; M. A. Bulgakov; character's worldview model; cognitive poetics; cognitive narratology; cognitive literary studies; the supernatural

For citation: Budaev, E. V. (2025). Models of Causal Attribution of the Supernatural in M. A. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita". In *Philological Class*. Vol. 30. No. 4, pp. 90–101. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-4-90-101.

Вопрос моделирования картины мира персонажей в художественном тексте регулярно привлекает внимание литературоведов, однако анализ каузальной атрибуции как частного когнитивного механизма, посредством которого персонажи приписывают причины событиям и мотивы поступкам, до настоящего времени остается недостаточно разработанным. Между тем именно способы объяснения происходящего играют ключевую роль в репрезентации идеологических и философских установок текста, что определяет актуальность обращения к данной проблематике.

Особенно перспективным материалом для такого анализа представляется роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», так как это произведение насыщено событиями, требующими интерпретации: сверхъестественными вмешательствами, политическими и социальными коллизиями, необходимостью морального выбора и личностными драмами. В этих условиях персонажи вынуждены постоянно объяснять происходящее, прибегая к различным когнитивным стратегиям – от рационализации и идеологизированных интерпретаций до религиозно-трансцендентного осмысления мира. Таким образом, роман выстраивается как сложная система причинно-следственных связей, включающая моральные, экзистенциальные, психологические и культурно-исторические основания.

Герои произведения постоянно формулируют объяснения собственных и чужих поступков, демонстрируя как внутреннюю, так и внешнюю каузальную атрибуцию. Анализ причинно-следственных объяснений, формулируемых персонажами, позволяет выявить роль каузальной атрибуции в формировании их картины мира, а также специфику атрибутивных стратегий, используемых при интерпретации событий и мотивации поведения. Рассмотрение этих стратегий способствует более глубокому пониманию психологии героев, их моральных ориентиров и социальных установок.

Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые анализируется феномен каузальной атрибуции сверхъестественного в картине мира персонажей романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» с применением методологического инструментария когнитивной науки. Такой подход позволяет рассмотреть объяснительные практики персонажей как структуры их субъективного мира и показать, каким образом через них репрезентируется идеологическая позиция героев произведения.

Мы ставим перед собой цель выявить модели

каузальной атрибуции сверхъестественного в картине мира персонажей романа «Мастер и Маргарита» и определить их роль в раскрытии философской проблематики романа.

В своем исследовании мы опираемся на когнитивные методики анализа художественных текстов, апробированные в процессе анализа романа «Мастер и Маргарита». Так, в исследовании Е. А. Огневой [2019] рассмотрены лингвокультуремы в концептосфере романа М. Булгакова и определен перечень персонифицированных и неперсонифицированных художественных концептов произведения, связанных с советским бытом, а также изучена степень адаптации рассматриваемых концептов при переводе романа на иностранные языки (английский, испанский, французский, эсперанто).

Примером концептуального анализа служит исследование М. В. Пименовой, А. В. Казориной и С. И. Тасуевой [2025], в котором выявлены основные признаки концепта «Воланд». Рассмотрев способы актуализации концептуальных признаков в тексте романа и проведя сопоставительный анализ дифференциальных признаков Воланда и черта в картине мира М. А. Булгакова и русской лингвокультуре, авторы определили основные кластеры признаков исследуемого концепта (внешний вид, локальные признаки, inferнальные признаки, знание, потусторонняя сила, маг).

Однако интересующий нас вопрос каузальной атрибуции сверхъестественного в картине мира персонажей романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» до настоящего времени не становился предметом специального анализа. Мы предлагаем рассмотреть его, опираясь на исследовательские методы, разработанные в рамках современного когнитивного литературоведения¹.

¹ Когнитивное литературоведение является междисциплинарной областью исследований, которая объединяет методы литературоведения и когнитивной науки для анализа художественного текста. Центральным понятием когнитивной науки является когниция [Краткий словарь 1996: 77], под которой понимаются как когнитивные структуры, так и когнитивные операции над этими структурами [Кубрякова 2004; Демьянков 2005; Болдырев 2019; Карасик 2004 и др.]. К первым относятся концепты, фреймы и слоты, сценарии, гештальты, семантические сети, прототипы, образ-схемы, ментальные модели и др. Когнитивные операции включают в себя концептуализацию, категоризацию, инференцию, каузальную атрибуцию, метафоризацию, блендинг и др. Детальный анализ когнитивного литературоведения представлен в ряде зарубежных исследований [Bernini 2021; Cognitive Poetics in Practice 2003; Cognitive Poetics... 2009;

Основной постулат когнитивного подхода заключается в том, что процессы смыслопорождения – как при создании, так и при восприятии литературных текстов – связаны с построением ментальных моделей мира [Stockwell 2019]. Ментальная модель (mental model) – это когнитивная репрезентация ситуаций, событий и отношений, создаваемая в результате восприятия текста. На основе этой концепции получила свое развитие теория текстовых миров (Text World Theory), предложенная Н. Вертом, которая описывает процессы построения читателем когнитивных пространств – так называемых «текстовых миров» (text worlds) – на основе взаимодействия информации текста и предварительных знаний читателя [Werth 1999]. П. Стокуэлл показывает, как текст и когнитивные механизмы взаимодействуют в процессе восприятия, делая акцент на том, что литературные смыслы формируются не только текстовыми структурами, но и схемами, прототипами и другими когнитивными структурами в сознании читателя [Stockwell 2019]. П. Стокуэлл также вводит понятие «character's world» – часть текстового мира, доступная восприятию и переживанию конкретного персонажа, что важно для анализа субъективного мира художественного героя и его внутренней когнитивной организации.

Важно разграничивать понятие ментальной модели как когнитивной структуры и модели как способа реконструкции этих структур. Как отмечает В. И. Карасик, «модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка» [Карасик 2013: 6]. При этом моделирование является единственным возможным методом реконструкции когниции, так как последняя не подлежит непосредственному наблюдению.

В отечественной филологической традиции также разрабатывалось понятие языковой картины мира – совокупности представлений, знаний и оценок о мире, фиксируемых в языке и культурных практиках. Одним из ведущих исследователей в этой области является Н. Д. Арутюнова, внесшая значительный вклад в методологию анализа ментальных репрезентаций и оценки реальности через призму языка [Арутюнова 1999].

В отечественном литературоведении накоплен и систематизирован значительный объем данных о конкретных концептах русской литературы [Ружа 2024; Шурупова 2010; Барова 2024; Шишкина, Ушакова 2024 и др.], группах и оппозициях концептов [Красавский, Дженкова 2019 и др.], что нашло отражение в «Антологии художественных концептов русской литературы XX века» [2013].

Таким образом, когнитивное литературове-

дение формирует теоретическую основу для анализа художественных текстов в аспекте когнитивных механизмов восприятия: от построения текстовых миров и ментальных моделей до анализа субъективных картин мира персонажей. Однако основное внимание филологов сосредоточено на анализе концептуализации и категоризации, в то время как каузальная атрибуция до сих пор остается на периферии исследовательского интереса, что не соответствует ее роли в картине мира как писателей и читателей, так и литературных персонажей.

Литературоведы начинают рассматривать каузальную атрибуцию как механизм интерпретации художественных текстов, с помощью которого читатель понимает сознание персонажей¹.

Каузальная атрибуция становится центральным инструментом анализа того, как читатель реконструирует картину мира персонажей, их намерения и мотивацию, а также интерпретирует причинные связи внутри повествования. Она рассматривается как фундаментальный механизм человеческой когниции, определяющий не только социальное восприятие, но и способы интерпретации художественных текстов, построения моделей мира и взаимодействия сознаний – реальных (автора и читателя) и виртуальных (литературных персонажей).

¹ В 2004 г. А. Палмер ввел понятие «миров сознания» и заявил, что повествование всегда требует от читателя активной каузальной интерпретации мыслей и действий персонажей [Palmer 2004]. Атрибуция может быть коллективной – когда групповые обсуждения, совместные планы и коммуникативные взаимодействия становятся источниками интересубъективной каузальности. В результате ментальная деятельность персонажей рассматривается как ключевой уровень повествования, который структурирует сюжет сильнее, чем внешние события. В работе Л. Зуншайн [2006] эти идеи получили развитие благодаря установлению связей между литературным чтением и работой механизмов теории сознания (Theory of Mind). Л. Зуншайн показывает, что читательское восприятие неизбежно опирается на многослойные метаперспективы («Х думает, что Y верит, что Z намерен...»), и именно такие структуры служат полем для сложных каузальных атрибуций. В художественном тексте причинность становится не только логическим, но и когнитивным конструктом, обеспечивающим удовольствие от чтения и функционирование социального интеллекта. При этом когнитивные искажения, такие как гиперактивная детекция намерений, фундаментальная ошибка атрибуции, также активно задействуются при интерпретации персонажей. При таком подходе чтение рассматривается как решение когнитивных задач – читатель постоянно вычисляет: кто знает что? кто кому верит? где границы доступа к информации? кто притворяется? и т. п. Таким образом, книга Л. Зуншайн популяризировала в научном дискурсе идею о том, что чтение литературы связано с эволюционно закрепленной способностью человека к атрибуции ментальных состояний.

Дальнейшее развитие когнитивное направление получило в работе Д. Германа [2013]. Исследователь предложил рассматривать нарратив как универсальный когнитивный инструмент, формирующий ментальные модели мира, включающие акторов, события, эмоциональные состояния и причинно-следственные связи. Обосновывая когнитивную нарратологию как полноценную научную программу, Д. Герман демонстрирует, как нарративы конструируют каузальные цепочки, а причинность понимается как ключевой когнитивный принцип организации повествования.

Freeman 2002; Gavins 2021; Hogan 2003, 2021 и др.]. В отечественном научном дискурсе особенностям когнитивного подхода к изучению литературного произведения посвящены работы Е. В. Лозинской [2007, 2020], Д. Н. Ахапкина [2012], Л. В. Витковской [2013], Ж. Н. Масловой [2012] и др.

Модель каузальной атрибуции можно рассматривать тройко в зависимости от субъекта атрибуции: 1) ментальная модель в сознании автора произведения; 2) ментальная модель в сознании читателя; 3) ментальная модель в картине мира персонажа. В настоящем исследовании данный термин используется в третьем аспекте.

При выборе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в качестве источника материала для исследования необходимо учитывать, что существует несколько версий этого произведения. Среди них – версия, опубликованная в журнале «Москва» (1966, № 11; 1967 гг.), сильно сокращенная цензурой; первое отдельное издание (1967 г., Париж, YMCA-Press), но все еще с цензурными купюрами; первое полное издание в СССР (1973 г.), в котором текст был восстановлен по рукописям писателя, хотя и с правками редактора. Вплоть до настоящего времени роман публикуется по двум разным его вариантам, подготовленным А. А. Саакянц в 1973 г. и Л. М. Яновской в 1989 г. А. А. Саакянц представила новаторскую, но спорную версию, так как создала новый сводный текст, не являющийся ни одной из авторских редакций. По данным Г. Лескиса [1991], в этой версии романа наблюдается более трех тысяч разночтений по сравнению с текстом, подготовленным вдовой писателя. Версия Л. М. Яновской представляет собой попытку вернуться к авторской рукописи [1989], соединив редакцию 1973 г. с редакцией, подготовленной после смерти М. А. Булгакова его вдовой, Еленой Сергеевной, на основе последних правок писателя. Именно это издание послужило источником материала для настоящего исследования.

Методика анализа материала строится на систематизации моделей каузальной атрибуции и их структурно-функциональном описании. В качестве единицы анализа используется отдельное высказывание персонажа, в котором присутствует объяснение причины события / поведения (включая косвенные объяснения в репликах, внутреннюю речь, авторские ремарки, если они выполняют функцию атрибуции в картине мира персонажа). Единицы анализа описываются по 4-мерной шкале, включающей следующие критерии:

1. Локус казуальности:

INT – внутренняя причина (черты личности, намерения, мотивация персонажа);

EXT – внешняя причина (ситуация, обстоятельства, другие люди, судьба, Бог, иные внешние силы и т. п.).

2. Стабильность:

ST – стабильная причина (устойчивая характеристика: характер, судьба, общественный строй);

UN – нестабильная причина (случайность, конкретная ситуация, временный фактор).

3. Контролируемость:

C – контролируемая (действие / причина могла быть изменена волей субъекта);

NC – неконтролируемая (судьба, Бог, непредвиденное, непреодолимое).

4. Истинность:

T – верная атрибуция;

F – ложная атрибуция.

Так как онтология романа строится на истинности бытия сверхъестественного, рационализирующие модели интерпретации событий репрезентируют ложные атрибуции.

Дальнейшие аналитические шаги после кодирования включают в себя определение функций моделей атрибуции и выявление роли анализируемых моделей в построении ключевых смыслов романа.

Модели каузальной атрибуции

Рассмотрим основные модели каузальной атрибуции, представленные в романе М. А. Булгакова, проиллюстрировав их примерами.

Модель 1. «Переутомление». Эпизод: размышления Берлиоза на Патриарших прудах в момент возникновения беспричинного страха.

Единица анализа: *Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало. Он поблел, вытер лоб платком, подумал: «Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалит... я переутомился. Пожалуй, пора бросить все к черту и в Кисловодск...»* (Здесь и далее выделено нами – Э. Б.) (с. 335)¹.

Субъект атрибуции: Берлиоз.

Локус казуальности: EXT. Причина выносится вовне субъекта.

Стабильность: UN. Состояние мыслится как временное.

Контролируемость: NC – неконтролируемая. Состояние неподвластно воле субъекта.

Истинность: F. Страх имеет сверхъестественную причину, но интерпретируется как следствие физиологического состояния организма.

Функция атрибуции заключается в рационализации непонятного состояния. Атрибуция основана на знаниях из фрейма о физиологии труда и отдыха.

В данной модели причина события локализуется вне устойчивых личностных характеристик субъекта (EXT), что позволяет персонажу снять с себя ответственность за возникшее состояние. Атрибутируемая причина осмысливается как нестабильная (UN) и неконтролируемая (NC), т. е. случайная и не поддающаяся быстрому волевому регулированию. При этом истинность выдвигаемой каузальной интерпретации оказывается ложной (F), поскольку действительная причина страха связана с присутствием трансцендентного фактора.

Данная модель атрибуции выполняет защитную функцию, направленную на сохранение целостности рационалистической картины мира персонажа. Посредством ложной атрибуции Берлиоз нейтрализует когнитивный диссонанс, возникающий при столкновении с иррациональным, и тем самым отсрочивает признание сверхъестественного как возможного источника происходящего. В перспективе повествования подобная стратегия интерпретации способствует нараста-

¹ Цит. с указанием страницы по: Булгаков М. А. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2 / сост. и коммент. Л. М. Яновской. Киев: Дніпро, 1989. 750 с.

нию трагического напряжения, поскольку систематическое искажение причинно-следственных связей лишает персонажа способности адекватно реагировать на подлинную природу событий.

Модель 2. «Психическое расстройство (галлюцинации)». Эпизод: реакция Бездомного на слова Воланда о том, что Аннушка уже разлила масло.

Единица анализа: – Подсолнечное масло здесь вот при чем, – вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незваному собеседнику войну, – вам не пришлось, гражданин, **бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?** (с. 344)

Субъект атрибуции: Бездомный.

Локус казуальности: INT.

Стабильность: UN.

Контролируемость: NC. Состояние неподвластно воле субъекта.

Истинность: F. Предсказания Воланда основываются на астрологических вычислениях, но интерпретируются Бездомным как душевное расстройство.

Данная модель выполняет нормализующую функцию при интерпретации происходящих событий. Во-первых, Бездомный снижает уровень экзистенциальной тревоги, вызванной столкновением с необъяснимым и потенциально сверхъестественным. Иначе говоря, угрожающее событие переводится в рамки привычного, научно и социально санкционированного объяснения. Во-вторых, атрибуция внутренней (INT), неконтролируемой (UN) и нестабильной (NC) причины (безумие) позволяет Бездомному отвергнуть истинность пророчества Воланда и избежать признания существования сил, выходящих за пределы материалистического мировоззрения. В-третьих, она выполняет социально-нормативную функцию: маркируя собеседника как потенциально психически больного, герой символически лишает его статуса надежного коммуникатора и тем самым легитимирует собственное сопротивление и агрессию («объявить войну»).

Таким образом, функция данной модели заключается в редукции аномального опыта посредством медицинско-психиатрической интерпретации, что обеспечивает временное сохранение когнитивной целостности картины мира персонажа, однако одновременно инициирует процесс ее последующей дезинтеграции.

Модель психических нарушений регулярно воспроизводится в эпизоде беседы Воланда со Степаном Лиходеевым относительно предстоящего представления. Данный эпизод хорошо иллюстрирует процесс усиления атрибутивных предположений в сознании персонажа по мере развертывания фантазмагоричных событий.

Субъект: Степан Лиходеев.

Локус казуальности: INT.

Стабильность: UN.

Контролируемость: NC.

Истинность: F. События в «нехорошей квартире» интерпретируются как результат нарастающего сумасшествия.

Изначально предположения Лиходеева о возможном психическом расстройстве выражаются в форме вопросов к самому себе. Ср.:

«Что же это такое?!» – подумал несчастный Степа, и голова у него закружилась. **Начинаются зловеющие провалы в памяти?!** Но, само собою, после того, как контракт был предъявлен, дальнейшие выражения удивления были бы просто неприличны (с. 408).

Степа в тревоге поглубже заглянул в переднюю, и вторично его качнуло, ибо в зеркале прошел здоровеннейший черный кот и также пропал. У Степы оборвалось сердце, он пошатнулся. **«Что же это такое?»** – подумал он. – **Уж не схожу ли я с ума? Откуда ж эти отражения?!»** (с. 410).

По мере нарастания странностей в «нехорошей квартире» Лиходеев все больше убеждается в собственном «сумасшествии» и переходит к восклицательным предложениям. Ср.:

Свет, и так слабый в спальне, и вовсе начал меркнуть в глазах Степы. **«Вот как, оказывается, сходят с ума!»** – подумал он и ухватился за притолоку (с. 411).

Усиление сюрреалистичности происходящего выражается в нарастающей градации подтверждений избранной казуальной атрибуции и приводит героя к предположению о наступающей смерти:

...Степы, и он ударился о притолоку головой и, теряя сознание, подумал: **«Я умираю...»** (с. 411).

Очутившись в Ялте, Степан Лиходеев уже не сомневается в собственной болезни:

– Умоляю, скажите, какой это город?

– Однако! – сказал бездушный курьерщик.

– Я не пьян, – хрипло ответил Степа, – со мной что-то случилось... **я болен...** Где я? Какой это город? (с. 412).

Модель 3. «Шпионаж (происки врагов)». Эпизод: реакция Бездомного на слова Воланда о том, что Аннушка уже разлила масло.

Единица анализа: – Вот что, Миша, – зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, – он никакой не интурист, а **шпион. Это русский эмигрант, перебравшийся к нам. Спрашивай у него документы, а то уйдет...** (с. 344).

Субъект атрибуции: Бездомный.

Локус казуальности: INT.

Стабильность: ST.

Контролируемость: C – контролируемая.

Истинность: F. Предсказания Воланда интерпретируются Бездомным как поведение шпиона, пытающегося выведать некоторую информацию.

В рамках данной модели аномальные и угрожающие элементы поведения Воланда интерпретируются субъектом атрибуции как результат целенаправленной враждебной деятельности, укладываемой в идеологически и социально нормированную схему «внешнего врага». Локус причинности локализуется во внутренней сфере субъекта предполагаемого действия (INT), что отражает приписывание ему сознательных намерений и поведения. Характеристика причины как стабильной (ST) указывает на восприятие «шпионской сущности» Воланда не как ситуативного отклонения, а как устойчивого свойства его идентичности. Одновременно фиксируется контролируемость (C)

в интерпретации субъекта атрибуции: Берлиоз и Бездомный осознают Воланда как источник преднамеренной угрозы для советского общества и активизируют сценарии реакции на источник опасности.

С точки зрения параметра истинности данная модель является ложной (F): предсказания Воланда, имеющие иную онтологическую природу, редуцируются до конспирологического объяснения, социально санкционированного в контексте советской действительности. Это позволяет субъекту атрибуции избежать признания сверхъестественного и сохранить рационально-идеологическую интерпретацию происходящего. Модель отражает подмену причин: вместо сверхъестественного объяснения персонажи выбирают привычные для советской пропаганды категории (иностранец шпион; эмигрант, желающий зла советской власти, и т. п.).

Функционально модель выполняет идеологически защитную и репрессивно-нормализующую роль. Она трансформирует онтологическую аномалию в политическую угрозу, тем самым легитимируя недоверие, подозрение и потенциальное насилие (требование документов, попытку изоляции «чужого»). В когнитивном плане данная модель способствует временному поддержанию устойчивости картины мира персонажей, однако одновременно усиливает ее ригидность и подготавливает условия для последующего кризиса интерпретации, когда идеологическое объяснение оказывается несостоятельным.

Эта же модель актуализируется в эпизоде, в котором Бездомный требует документы у Воланда после смерти Берлиоза.

Единица анализа: *Не притворяйтесь! – грозно сказал Иван и почувствовал холод под ложечкой. – Вы только что прекрасно говорили по-русски. Вы не немец и не профессор! Вы – убийца и шпион! Документы! – яростно крикнул Иван* (с. 376).

Субъект атрибуции: Бездомный.

Локус казуальности: INT.

Стабильность: ST.

Контролируемость: C.

Истинность: F. Гибель Берлиоза интерпретируется Бездомным как убийство, подстроенное шпионом.

Атрибутивная модель «Шпионаж (происки врагов)» в данном эпизоде выполняет прежде всего функцию восстановления когерентности картины мира после психотравмирующего события. Столкнувшись с внезапной и абсурдной смертью Берлиоза, Бездомный интерпретирует произошедшее в рамках доступной ему объяснительной схемы, легитимированной советским дискурсом. Отнесение причины к внутреннему (INT) локусу и стабильному (ST) и контролируемому (C) характеру каузации позволяет герою сохранить ощущение причинно-следственного порядка и избежать признания сверхъестественного характера случившегося.

Одновременно данная модель выполняет функцию редукции неопределенности: образ «убийцы и шпиона» трансформирует иррациональное и необъяснимое в социально и политиче-

ски узнаваемую угрозу. Это объяснение снимает экзистенциальную тревогу, подменяя метафизический страх конкретным объектом для обвинения. Агрессивная речевая стратегия Бездомного («Вы – убийца и шпион! Документы!») свидетельствует о том, что атрибуция не только объясняет событие, но и мобилизует поведенческую реакцию, ориентированную на разоблачение и контроль.

Кроме того, модель выполняет идеологически компенсаторную функцию: признание Воланда шпионом позволяет Бездомному сохранить верность материалистической картине мира и нормативному представлению о рациональности действительности. Ложная атрибуция (F) оказывается психологически продуктивной, поскольку временно стабилизирует мир персонажа, хотя в дальнейшем именно ее несостоятельность становится одним из факторов трансформации его картины мира.

Модель 4. «Случайное совпадение». Эпизод: встреча Берлиоза с Коровьевым (Фаготом), который ранее воспринимался председателем МАССОЛИТа как эфемерное, призрачное явление, а в данном эпизоде предстает в отчетливо телесном, конкретном облике.

Единица анализа: *Только сейчас он был уже не воздушный, а обыкновенный, плотский, и в начинающихся сумерках Берлиоз отчетливо разглядел, что усишки у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические и полупьяные, а брючки клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки. Михаил Александрович так и попятился, но утешил себя тем соображением, что это глупое совпадение и что вообще сейчас об этом некогда размышлять* (с. 373).

Субъект атрибуции: Берлиоз.

Локус казуальности: EXT.

Стабильность: UN.

Контролируемость: NC.

Истинность: F. Совпадение телесного облика Коровьева с ранее пережитым Берлиозом «воздушным» видением интерпретируется им как случайное совпадение, не обладающее причинной значимостью.

Функцией данной модели атрибуции является снижение онтологической значимости аномального опыта. Совпадение телесного облика Коровьева с ранее пережитым «воздушным» видением интерпретируется Берлиозом как случайное, что позволяет исключить возможность объективного существования сверхъестественного и сохранить рационально-материалистическое объяснение происходящего.

Отнесение причины к внешнему, нестабильному и неконтролируемому локусу переводит потенциально угрожающее событие в разряд несущественных флуктуаций реальности, не требующих пересмотра мировоззренческих установок. Таким образом, ложная атрибуция (F) выполняет защитную функцию, временно стабилизируя восприятие действительности и предотвращая признание трансцендентного характера происходящего.

Модель 5. «Гипноз (фокус)». Эпизод: конфетансье в Театре Варьете объясняет публике происхождение «чудес» во время сеанса черной магии.

Единица анализа: – Вот, граждане, мы с вами видели сейчас **случай так называемого массового гипноза**. Чисто научный опыт, как нельзя лучше доказывающий, что никаких чудес и магии не существует. Попросим же маэстро Воланда разоблачить нам этот опыт. Сейчас, граждане, вы увидите, как эти, якобы денежные, бумажки исчезнут так же внезапно, как и появились (с. 452).

Субъект атрибуции: Бенгальский.

Локус казуальности: INT.

Стабильность: ST.

Контролируемость: С.

Истинность: F. Проявление черной магии Бенгальский объясняет массовым гипнозом.

Функцией данной модели атрибуции являются коллективная нормализация аномального опыта, сохранение научного объяснения происходящего, а также поддержание представления о собственной компетентности в глазах аудитории. Конференсье интерпретирует явления черной магии как результат массового гипноза, относя причину событий к внутреннему локусу и характеризуя ее как стабильную и контролируемую, что позволяет логически объяснить феномен «гипноза».

Несмотря на ложность такой атрибуции (F), модель позволяет Бенгальскому уменьшить когнитивный диссонанс, вызванный очевидно сверхъестественными событиями, и сохранить иллюзию предсказуемости и подчиненности процессов рациональным законам. Таким образом, атрибуция выполняет одновременно защитную и демонстративную функции, обеспечивая психическое равновесие субъекта и поддерживая его интеллектуальный статус перед публикой.

Такая же атрибуция представлена в высказывании председателя Акустической комиссии московских театров Аркадия Аполлоновича Семплеярова:

Единица анализа: Приятный, звучный и очень настойчивый баритон послышался из ложи № 2:

– Все-таки желательно, гражданин артист, чтобы вы незамедлительно **разоблачили бы перед зрителями технику ваших фокусов, в особенности фокус с денежными бумажками** (с. 457).

Субъект атрибуции: Семплеяров.

Локус казуальности: INT.

Стабильность: ST.

Контролируемость: С.

Истинность: F. Проявление черной магии Семплеяров объясняет мастерством иллюзиониста.

Функцией данной модели атрибуции является снятие коллективного когнитивного диссонанса. Семплеяров интерпретирует проявления черной магии как результат иллюзионистского мастерства, относя причину событий к внутреннему локусу и характеризуя ее как стабильную и контролируемую, что позволяет вписать феномен в рамки привычного, понятного опыта. Несмотря на ложность такой атрибуции (F), эта модель обеспечивает психологическую защиту субъекта, позволяя сохранить ощущение предсказуемости происходящего и рационального порядка, одновременно укрепляя социальное и интеллектуальное самовосприятие. Атрибуция выполняет одновременно за-

щитную и когнитивно-упорядочивающую функции, минимизируя тревожность, вызванную сверхъестественными событиями.

Сатирическая часть романа строится на том, что герои неверно интерпретируют причины происходящего, а Воланд демонстративно исправляет их или высмеивает. Это позволяет выявить конфликт между официально одобряемым мировосприятием и этически значимой, но не поощряемой идеалистической картиной мира.

Эта же модель актуализируется в эпизоде встречи секретарем филиала доктора Стравинского. Ср.:

На лестницу выбежал секретарь филиала и, видимо, сгорая от стыда и смущения, заговорил, заикаясь:

– Видите ли, доктор, у нас **случай массового како-го-то гипноза**... (с. 519).

Такая же атрибуция представлена в эпизоде со Степаном Лиходеевым, который описывает в телеграмме причину своего нахождения в Ялте. Ср.:

Варенуха молча подал ему телеграмму, и финдиректор увидел в ней слова: «Умоляю верить **брошен Ялту гипнозом Воланда** молнией угрозыску подтверждение личности Лиходеев» (с. 433).

Модель 6. «Влияние потусторонних сил». Настоящая модель находится в оппозиции ко всем предыдущим моделям по критерию истинности атрибуции.

Эпизод: Мастер объясняет Бездомному, что он стал жертвой дьявольских проделок.

Единица анализа: – Ну хорошо, – ответил гость и веско и раздельно сказал: – **Вчера на Патриарших прудах вы встретились с сатаной**.

Иван не впал в беспокойство, как и обещал, но был все-таки сильнеешим образом ошарашен.

– **Не может этого быть! Его не существует**.

– Помилуйте! Уж кому-кому, но не вам это говорить. **Вы были одним, по-видимому, из первых, кто от него пострадал. Сидите, как сами понимаете, в психиатрической лечебнице, а все толкуете о том, что его нет**. Право, это странно! (с. 463).

Субъект атрибуции: Мастер.

Локус казуальности: EXТ.

Стабильность: ST.

Контролируемость: С.

Истинность: Т.

Функцией данной модели атрибуции являются прямое признание и осмысление сверхъестественного события, обеспечение когнитивной ясности и реалистичного восприятия произошедшего. Мастер интерпретирует гибель Берлиоза и другие аномальные явления как результат действий Воланда, относя причинность к внутреннему локусу субъекта, характеризуя ее как стабильную и контролируемую. В отличие от предыдущих моделей, истинность атрибуции (Т) позволяет устранить когнитивный диссонанс, а не защищать персонаж от информации, противоречащей его картине мира. Атрибуция выполняет объяснительную функцию, помогая Бездомному осознать природу событий, интегрировать аномальные явления в осмысленную картину мира и принять существование сверхъестественного как реальности, а не

иллюзии или случайности.

Мастеру достаточно описания внешности Воланда, данного Бездомным, чтобы безошибочно его идентифицировать:

– Лишь только вы начали его описывать, – продолжал гость, – я уже стал догадываться, **с кем вы вчера имели удовольствие беседовать**. И, право, я удивляюсь Берлиозу! Ну вы, конечно, человек девственный, – тут гость опять извинился, – но тот, сколько я о нем слышал, все-таки хоть что-то читал! Первые же речи этого профессора рассеяли всякие мои сомнения. **Его нельзя не узнать**, мой друг! (с. 463).

Ваш собеседник **был и у Пилата, и на завтраке у Канта, а теперь он навестил Москву** (с. 464).

Аналогичную модель атрибуции использует Мастер в другом эпизоде. Оказавшись перед Воландом, герой не пытается рационализировать сверхъестественное. Ср.:

– Вы знаете, с кем вы сейчас говорите, – спросил у пришедшего Воланд, – у кого вы находитесь?

– **Знаю**, – ответил мастер, – моим соседом в сумасшедшем доме был этот мальчик, Иван Бездомный. Он рассказал мне о вас (с. 612).

В какой-то момент Мастер использует сослагательное наклонение, говоря о «галлюцинации», но тут же сам опровергает эту атрибуцию:

– Он едва самого меня не свел с ума, доказывая мне, что меня нету! Но вы-то верите, что это действительно я?

– **Приходится верить**, – сказал пришелец, – но, конечно, **гораздо спокойнее было бы считать вас плодом галлюцинации**. Извините меня, – спохватившись, прибавил мастер (с. 612).

– Ну, что же, если спокойнее, то и считайте, – вежливо ответил Воланд.

– **Нет, нет**, – испуганно говорила Маргарита и трясла мастера за плечо, – **опомнись! Перед тобою действительно он!** (с. 613).

Наиболее ярко рассматриваемая модель атрибуции проявляется в картине мира Маргариты.

Единица анализа: Маргарита ощутила себя свободной, свободной от всего. Кроме того, она **поняла со всею ясностью, что именно случилось то, о чем еще утром говорило предчувствие, и что она покидает особняк и прежнюю свою жизнь навсегда** (с. 557).

Субъект атрибуции: Маргарита.

Локус казуальности: EXT.

Стабильность: ST.

Контролируемость: C.

Истинность: T.

Маргарита не пытается рационализировать сверхъестественные события, верит интуиции и предчувствиям так же, как рационалист верит непреложным фактам, что регулярно подтверждается в рассматриваемых единицах анализа. Маргарита полагается на иррациональные источники информации, и эта стратегия ее не подводит:

Маргарита **чувствовала близость воды и догадывалась, что цель близка**. Сосны разошлись, и Маргарита тихо подъехала по воздуху к меловому обрыву (с. 571).

Оказавшись на балу, Маргарита без сомнений воспринимает реальность сверхъестественного, не прибегая ни к одной из моделей рационали-

зирующей атрибуции, характерных для большинства других персонажей. Ср.:

– Но к делу, к делу, Маргарита Николаевна. Вы женщина весьма умная и, конечно, уже **догадались о том, кто наш хозяин**.

Сердце Маргариты стукнуло, и она кивнула головой (с. 577).

Принятие сверхъестественного не мешает Маргарите удивляться, но это удивление не ведет к попыткам сменить модель атрибуции или подвергнуть объяснения сомнениям:

– Нет, – ответила Маргарита, – более всего **меня поражает, где все это помещается**. – Она повела рукой, подчеркивая этим необъятность зала.

Коровьев сладко ухмыльнулся, отчего тени шевельнулись в складках у его носа.

– Самое несложное из всего! – ответил он. – Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов (с. 576).

Маргарита не пытается «примирить» происходящие события с материалистической картиной мира, которая являлась основой официальной советской идеологии. Героиня лишь восхищается проявляющейся возможностью сверхъестественного, констатируя его реальность:

Верхний экземпляр кот с поклоном подал Воланду. Маргарита задрожала и закричала, волнуясь вновь до слез:

– Вот она, рукопись! Вот она!

Она кинулась к Воланду и восхищенно добавила:

– **Всесилен, всесилен!** (с. 576).

В 27-й главе М. А. Булгаков обращает непосредственное внимание на особенности модели атрибуции Маргариты, подчеркивая ее нетипичность, проявляющуюся в естественном восприятии сверхъестественного:

Интересно отметить, что душа Маргариты находилась в полном порядке. Мысли ее не были в разброде, ее совершенно не потрясло то, что она провела ночь **сверхъестественно**. Ее не волновали воспоминания о том, что она была на балу у сатаны, что каким-то чудом мастер был возвращен к ней, что из непапа возник роман, что опять все оказалось на своем месте в подвале в переулке, откуда был изгнан ябедник Алоизий Могарыч. Словом, знакомство с Воландом не принесло ей никакого психического ущерба. Все было так, как будто так и должно быть (с. 657).

Таким образом, писатель детально описывает эту черту картины мира героини, специально подчеркивая особенности ее модели казуальной атрибуции.

Как показывает анализ, субъект атрибуции может сочетать несколько различных моделей. Так, Берлиоз использует как модель «Психическое расстройство» («приехал сумасшедший немец или только что **спятил** на Патриарших»), так и модель «Шпионаж (происки врагов)» («он никакой не интурист, а **шпион**»). Когерентность этих моделей обусловлена схожестью их функции рационализации сверхъестественного: они направлены на отрицание реальности трансцендентного мира и характеризуются стремлением сохранить материалистическую картину действительности. По этой же причине один субъект атрибуции никогда не при-

бегают к моделям, противопоставленным по критерию истинности.

В этом отношении привлекает внимание пример динамики моделей атрибуции в картине мира Бездомного. Если в начале романа герой придерживается рационализирующих моделей, то впоследствии переходит к восприятию событий как сверхъестественных. Находясь в психбольнице, Бездомный меняет модель атрибуции с рационалистической на иррационалистическую, т. е. меняет ложную атрибуцию на верную (с точки зрения онтологии романа). Ср.:

Санитары почему-то вытянули руки по швам и глаз не сводили с Ивана.

– Да-с, – продолжал Иван, – знается! Тут факт бесповоротный. Он лично с Понтием Пилатом разговаривал. Да нечего так на меня смотреть! Верно говорю! Все видел – и балкон, и пальмы. Был, словом, у Понтия Пилата, за это я ручаюсь (с. 397).

В результате предпринятого анализа мы пришли к следующим выводам.

При построении картины мира персонажей М. А. Булгаков сознательно противопоставляет различные модели каузальной атрибуции, используя это противопоставление как один из ключевых художественных приемов. Данный прием позволяет не только выявить индивидуальные способы восприятия сверхъестественного героями романа, но и продемонстрировать механизмы их взаимодействия с фантастической реальностью, высвечивая мировоззренческую глубину поставленных в романе вопросов.

Контраст между ложными и верными каузальными атрибуциями напрямую предопределяет дальнейшую судьбу персонажей. Те, кто совершает ошибочные каузальные атрибуции, оказываются в беде и подвергаются наказанию со стороны Воланда и его свиты: требование председателя Акустической комиссии разоблачить «фокусы» заканчивается разоблачением самого Семплеярова в супружеской неверности, попытки Берлиоза доказать контроль над своей жизнью (внутренний локус каузальности) приводят его к трагической гибели на Патриарших прудах (внешний локус каузальности) и т. д. Напротив, персонажи, чьи атрибуции соответствуют реальности, получают от Воланда поддержку и вознаграждение.

Модели каузальной атрибуции в произведе-

нии отражают характерные шаблоны советского мышления той эпохи, что позволяет М. А. Булгакову достигать сатирического эффекта опосредованно, через стереотипные интерпретации поведения персонажей. На первый взгляд герои действуют в соответствии с общепринятыми нормами, однако такое «правильное» поведение является прямым следствием типичного мышления того времени, которое автор подвергает высмеиванию посредством каузальных атрибуций.

Таким образом, описание каузальной атрибуции выполняет важнейшую роль в раскрытии философской проблематики романа. Через сопоставление ложных и верных атрибуций М. А. Булгаков демонстрирует принципиальные различия между иллюзорным и подлинным пониманием реальности, показывая, как субъективные интерпретации событий определяют судьбу человека. При этом модели атрибуции не только создают сатирический эффект, высмеивая стереотипы мышления своей эпохи, но и ставят вопросы о нравственном выборе, ответственности и истинной природе добра и зла, формируя глубокий философский контекст произведения.

Настоящее исследование не претендует на исчерпывающее описание всех моделей каузальной атрибуции, представленных в романе М. А. Булгакова. В качестве перспективы дальнейшего изучения особый интерес представляет анализ моделей каузальной атрибуции феноменов, не связанных с категорией сверхъестественного. В частности, речь может идти об иррациональной и гуманистической модели атрибуции поступков Маргариты, обусловленных ее чувствами к Мастеру. Не менее значимым является исследование ершалаимской линии романа: эксплицитная атрибуция Пилатом причин казни Иешуа выражается через категории «политическая необходимость», «опасность для государства», «законы Рима», в контрасте с имплицитной причиной – страхом за собственное будущее. Кроме того, религиозно-мистическая атрибуция Левия Матвея интерпретирует земные бедствия как проявления божественной воли, противопоставляя ее земной логике римлян и иудеев и создавая дополнительное поле для анализа взаимодействия рациональных и иррациональных моделей причинности.

Источники

Булгаков, М. А. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2 / М. А. Булгаков ; сост. и коммент. Л. М. Яновской. – Киев : Дніпро, 1989. – 750 с.

Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков ; подгот. текста А. А. Саакянц. – Москва : Художественная литература, 1973. – 811 с.

Литература

Антология художественных концептов русской литературы XX в. / ред. и автор-сост. Т. И. Васильева. – Москва : Флинта, 2013. – 355 с.

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – EDN YLAWAR.

Ахапкин, Д. Н. Когнитивный подход в современных исследованиях художественных текстов / Д. Н. Ахапкин // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 114. – С. 298–312.

- Барова, А. Г. Репрезентация концепта МИФ в австрийской литературе (на примере творчества Элиаса Канетти и Барбары Фришмут) / А. Г. Барова, Л. В. Трофимова // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 6. – С. 230–249. – DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-230-249. – EDN NSGNEC.
- Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. – 2-е изд. – Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. – 480 с. – EDN OXLIYG.
- Витковская, Л. В. Когниция и образ автора в интерпретации смысла / Л. В. Витковская. – Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2013. – 332 с.
- Демьянков, В. З. Когниция и понимание текста / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3 (4). – С. 5–10. – EDN IIQYAN.
- Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 477 с.
- Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2013. – 320 с.
- Красавский, Н. А. Концепты «вина» и «наказание» в русской и немецкой лингвокультурах (на материале художественной литературы) / Н. А. Красавский, Е. А. Дженкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 8 (141). – С. 217–224. – EDN KZUCAR.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац ; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – Москва : Издательство Московского государственного университета, 1996. – 245 с. – EDN OGVICE.
- Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 556 с. – EDN SUQH1P.
- Лесскис, Г. А. О тексте романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Г. А. Лесскис // Вопросы литературы. – 1991. – № 1. – С. 130–155.
- Лозинская, Е. В. Литература как мышление. Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков / Е. В. Лозинская. – Москва : ИНИОН, 2007. – 160 с.
- Лозинская, Е. В. Когнитивная теория жанра в контексте сравнительно-исторического литературоведения / Е. В. Лозинская // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2020. – № 1. – С. 14–23. – EDN KEVRCR.
- Маслова, Ж. Н. Когнитивная концепция поэтической картины мира : монография / Ж. Н. Маслова. – Москва : Флинта, 2012. – 420 с. – EDN SDROBV.
- Огнева, Е. А. Лингвокультуры в концептосфере романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на русском, английском, испанском, французском и эсперанто языках / Е. А. Огнева // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 60–70. – DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-3-0-6. – EDN KSQZCZ.
- Пименова, М. В. Концептуальные признаки Воланда в контексте демонологического дискурса романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / М. В. Пименова, А. В. Казорина, С. И. Тасуева // Коммуникативные исследования. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 693–707. – DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(3).693-707. – EDN KIIKKY.
- Ружа, О. А. Репрезентация концепта ДОМ (по материалам литературы для детей) / О. А. Ружа // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2024. – № 6 (236). – С. 65–74. – DOI: 10.23951/1609-624X-2024-6-66-74. – EDN IMJUEH.
- Шишкина, С. А. Ценностные аспекты концепта «ПРАВИТЕЛЬ» в русской литературе конца XVII – начала XVIII вв. / С. А. Шишкина, А. П. Ушакова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-1 (58). – С. 484–487. – EDN NIWFWX.
- Шурупова, О. С. Концепт «Дом» в смысловой организации Петербургского текста русской литературы / О. С. Шурупова // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15, № 4. – С. 1183–1185. – EDN NDDXWZ.
- Bernini, M. Beckett and the Cognitive Method. Mind, Models, and Exploratory Narratives / M. Bernini. – Oxford : Oxford University Press, 2021. – 303 p.
- Bruhn, M. J. Exchange values: Poetics and cognitive science / M. J. Bruhn // Poetics today. – 2011. – Vol. 32 (3–4). – P. 403–460.
- Cognitive Poetics in Practice / ed. by J. Gavins, G. Steen. – London : Routledge, 2003. – 188 p.
- Cognitive Poetics: Goals, Gains and Gaps / ed. by G. Brone, J. Vandaele. – New York : Mouton De Gruyter, 2009. – 560 p.
- Freeman, M. H. Cognitive Mapping in Literary Analysis / M. H. Freeman // Style. – 2002. – Vol. 36, no. 3. – P. 466–483. – EDN EIPNMF.
- Gavins, J. Poetry in the Mind: The Cognition of Contemporary Poetic Style / J. Gavins. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2021. – 192 p.
- Herman, D. Storytelling and the Sciences of Mind / D. Herman. – Cambridge, MA : MIT Press, 2013. – 424 p.
- Hogan, P. Cognitive Science, Literature, and the Arts: A Guide for Humanists / P. Hogan. – New York : Routledge, 2003. – 272 p.
- Hogan, P. Style in Narrative. Aspects of an affective-cognitive stylistics / P. Hogan. – Oxford : Oxford University Press, 2021. – 303 p.
- Palmer, A. Fictional minds / A. Palmer. – Lincoln : University of Nebraska Press, 2004. – 282 p.
- Stockwell, P. Cognitive Poetics: An Introduction / P. Stockwell. – London : Routledge, 2019. – 246 p.

Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth. – Harlow : Longman, 1999. – 408 p.

Zunshine, L. Why we read fiction: Theory of mind and the novel / L. Zunshine. – Columbus : Ohio State University Press, 2006. – 202 p.

References

Akhapkin, D. N. (2012). Kognitivnyy podkhod v sovremennykh issledovaniyakh khudozhestvennykh tekstov = Cognitive approach in modern studies of literary texts. *New Literary Review*, 114, 298–312.

Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka = Language and the world of man. 2nd edition. Moscow: Languages of Russian culture Publishing House, 896 p. EDN YLAWAR.

Barova, A. G., Trofimova, L. V. (2024). Reprezentatsiya kontsepta MIF v avstriyskoy literature (na primere tvorchestva Eliasa Kanetti i Barbary Frishmut) = Representation of the concept “myth” in Austrian literature (on the example of the work of Elias Canetti and Barbara Frischmuth). *Scientific dialogue*, 13(6), 230–249. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-230-249. EDN NSGNEC.

Bernini, M. (2021). Beckett and the Cognitive Method. Mind, Models, and Exploratory Narratives. Oxford: Oxford University Press, 303 p.

Boldyrev, N. N. (2019). Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka = Language and the system of knowledge. Cognitive theory of language. 2nd edition. Moscow: Languages of Russian culture Publishing House, 480 p. EDN OXLIYG.

Brone, G., Vandaele, J. (Eds.). (2009). Cognitive Poetics: Goals, Gains and Gaps. New York: Mouton De Gruyter, 560 p.

Bruhn, M. J. (2011). Exchange values: Poetics and cognitive science. *Poetics today*, 32(3–4), 403–460.

Demyankov, V. Z. (2005). Kognitsiya i ponimanie teksta = Cognition and text understanding. *Questions of cognitive linguistics*, 3(4), 5–10. EDN IIQYAN.

Freeman, M. H. (2002). Cognitive Mapping in Literary Analysis. *Style*, 36(3), 466–483. EDN EIPNMF.

Gavins, J. (2021). Poetry in the Mind: The Cognition of Contemporary Poetic Style. Edinburgh: Edinburgh University Press, 192 p.

Gavins, J., Steen, G. (Eds.). (2003). Cognitive Poetics in Practice. London: Routledge, 188 p.

Herman, D. (2013). Storytelling and the Sciences of Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 424 p.

Hogan, P. (2003). Cognitive Science, Literature, and the Arts: A Guide for Humanists. New York: Routledge, 272 p.

Hogan, P. (2021). Style in Narrative. Aspects of an affective-cognitive stylistics. Oxford: Oxford University Press, 303 p.

Karasik, V. I. (2004). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Language circle: Personality, concepts, discourse. Moscow: Gnozis Publishing House, 477 p.

Karasik, V. I. (2013). Yazykovaya matritsa kul'tury = Language matrix of culture. Moscow: Gnozis Publishing House, 320 p.

Krasavsky, N. A., Dzhenskova, E. A. (2019). Kontsepty «vina» i «nakazanie» v russkoy i nemetskoy lingvokul'turakh (na materiale khudozhestvennoy literatury) = Concepts of “guilt” and “punishment” in Russian and German linguocultures (based on fiction). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 8(141), 217–224. EDN KZUCAR.

Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira = Language and knowledge: On the way to obtaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. Moscow: Languages of Russian culture Publishing House, 556 p. EDN SUQH1P.

Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Luzina, L. G., Pankrats, Yu. G. (1996). Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov = Brief dictionary of cognitive terms. Moscow: Moscow State University Publishing House, 245 p. EDN OGVICE.

Lesskis, G. A. (1991). O tekste romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = On the text of M. A. Bulgakov's novel “The Master and Margarita”. *Questions of literature*, 1, 130–155.

Lozinskaya, E. V. (2007). Literatura kak myshlenie. Kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX–XXI vekov = Literature as thinking. Cognitive literary studies at the turn of the 20th–21st centuries. Moscow: INION Publishing House, 160 p.

Lozinskaya, E. V. (2020). Kognitivnaya teoriya zhanra v kontekste sravnitel'no-istoricheskogo literaturovedeniya = Cognitive theory of genre in the context of comparative-historical literary studies. *Social Sciences and Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 7: Literary Criticism*, 1, 14–23. EDN KEVRCR.

Maslova, Zh. N. (2012). Kognitivnaya kontseptsiya poeticheskoy kartiny mira = Cognitive conception of the poetic picture of the world. Moscow: Flinta Publishing House, 420 p. EDN SDROBV.

Ogneva, E. A. (2019). Lingvokul'turemy v kontseptosfere romana M. Bulgakova «Master i Margarita» na russkom, angliyskom, ispanskoy, frantsuzskom i esperanto yazykakh = Linguoculturemes in the conceptsphere of M. Bulgakov's novel “The Master and Margarita” in Russian, English, Spanish, French and Esperanto. *A scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics*, 5(3), 60–70. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-3-0-6. EDN KSQZCZ.

Palmer, A. (2004). Fictional minds. Lincoln: University of Nebraska Press, 282 p.

Pimenova, M. V., Kazorina, A. V., Tasueva, S. I. (2025). Kontseptual'nye priznaki Volanda v kontekste demonologicheskogo diskursa romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = Conceptual features of Woland in the context

of the demonological discourse of M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". *Communication research*, 12(3), 693–707. DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(3).693-707. EDN KIIKKY.

Ruzha, O. A. (2024). Reprezentatsiya kontsepta DOM (po materialam literatury dlya detey) = Representation of the concept house (based on literature for children). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 6(236), 65–74. DOI: 10.23951/1609-624X-2024-6-66-74. EDN IMJUEH.

Shishkina, S. A., Ushakova, A. P. (2024). Tsennostnye aspekty kontsepta «PRAVITEL'» v russkoy literature kontsa XVII – nachala XVIII vv. = Value aspects of the concept "Ruler" in Russian literature of the late 17th – early 18th centuries. *Cognitive language studies*, 2-1(58), 484–487. EDN NIWFWX.

Shurupova, O. S. (2010). Kontsept «Dom» v smyslovoy organizatsii Peterburgskogo teksta russkoy literatury = The concept of "home" in the semantic organization of the Saint Petersburg text of Russian literature. *Bulletin of the Bashkir University*, 15(4), 1183–1185. EDN NDDXWZ.

Stockwell, P. (2019). *Cognitive Poetics: An Introduction*. London: Routledge, 2019. 246 p.

Vasilieva, T. I. (2013). *Antologiya khudozhestvennykh kontseptov russkoy literatury XX v.* = Anthology of artistic concepts of Russian literature of the 20th century. Moscow: Flinta Publishing House, 355 p.

Vitkovskaya, L. V. (2013). *Kognitsiya i obraz avtora v interpretatsii smysla* = Cognition and the author's image in the interpretation of meaning. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 332 p.

Werth, P. (1999). *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. Harlow: Longman, 408 p.

Zunshine, L. (2006). *Why we read fiction: Theory of mind and the novel*. Columbus: Ohio State University Press, 202 p.

Данные об авторе

Будаев Эдуард Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: aedw@mail.ru.

Author's information

Budaev Eduard Vladimirovich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 17.12.2025; дата публикации: 29.12.2025

Date of receipt: 17.12.2025; date of publication: 29.12.2025